

Review

Углеводородная экономика

Термин «сырьевая экономика» давно считается почти ругательством во всем мире. Россию часто упрекают в том, что основную часть доходов бюджета страна получает от добычи нефти и газа. Но по факту углеводородная база не только не отменяет развития новых технологий и перехода к продукции более высокого передела, но и должна стимулировать те направления, которые позволят РФ занять лидерские позиции на глобальном рынке. Президент ПАО «ГЕОТЕК Сейсморазведка» **Владимир Толкачев** комментирует сложившуюся в отрасли ситуацию.

— мнение —

Последние 20 лет стало привычным стесняться и опускать глаза при упоминании экономики, которая базируется на продаже нефти и газа. Государства, осуществляющие массовые продажи нефти и газа вне страны, стало модно называть сырьевыми придатками.

На самом деле стесняться или стесняться не стоит. Углеводороды — это такой же товар, как iPhone или автомобиль Tesla Илона Маска. При продаже и нефть, и телефон, и автомобиль превращаются в валюту, которая удобна всем. Таким образом, компания, существующая по законам рынка и, соответственно, ставящая своей целью получение максимальной прибыли, всегда будет успешна.

Но нефть — это не только товар. Добыча углеводородов является не только источником нефтедолларов, но и ресурсной базой для новых технологий. Так, в отрасли нефтехимии выпускаются полимеры, пластики, которые используются для производства современных товаров, а в ближайшее время будут использоваться и в строительстве, и в создании инфраструктуры городов посредством 3D-печати. Следующий этап в эволюции использования нефти — это также печатать труб любых диаметров, профилей и опор, не уступающих стали, и многое другое.

То же самое с природным газом, являющимся основным компонентом в газохимии при производстве удобрений, обеспеченность которыми критична в век продуктового дефицита, когда растущее население земли будет остро нуждаться в продуктах питания.

При этом, важно упомянуть, что углеводороды также источник бактериальной массы, сырьевая база пищевой промышленности будущего. Запустив цикл «переработка углеводородов—бактерии—пищевая масса», можно выбрать и получить конечный

продукт. Хочешь — ешь курицу, хочешь — свинину. А нефтепроводы — это однозначно пищепродуктопроводы будущего.

В настоящее время Российская Федерация по запасам углеводородов находится на шестом месте в мире. Это уже представляет угрозу для геологического суверенитета страны, поэтому необходимо незамедлительно принимать решительные меры.

Президент РФ Владимир Путин четко определил вектор роста и развития государства на ближайшие годы. В данной связи ряд ключевых кадровых решений, назначений на руководящие посты в отрасли, прошедших в последние недели, дает надежду и мотивацию к действию.

Для совершения экономического броска нужны энергия, топливо, сырье — много, разных видов и форм. Текущую ситуацию можно сравнить с решением проблемы дефицита дизельного танкового топлива во время Второй мировой войны. Именно благодаря советским геологам и нефтяникам, проводившим работы на территории Татарстана и Башкортостана, данный вопрос был решен в максимально сжатый срок.

Название статьи «Углеводородная экономика» не случайно. Настоящая мировая экономика может по праву гордо носить название углеводородной. Возьмем, к примеру, капитализацию компаний энергетического сектора: суммарно они превышают и инновационные, и любые другие сектора мировой экономики.

Российская Федерация получила фантастическое наследие. Средства, которые вложи в разведку и освоение недр Советский Союз, позволили в течение последних 27 лет после его распада как РФ, так и Республике Казахстан и Азербайджану буквально строить свою экономику именно на открытых советскими специалистами запасах нефти и газа. В итоге самыми эффективными инвестициями Советского Союза оказались вложения в геологию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПАО «ГЕОТЕК СЕЙСМОРАЗВЕДКА»

В последние же годы размер вложенных в геологию средств был в разы меньше. Но это не могло продолжаться вечно. И сейчас вопрос встал особенно остро в условиях ограничительных санкций, примененных к экономике РФ.

Во второй половине мая цены на нефть эталонных марок побили очередные рекорды, обновив максимум с ноября 2014 года. Так, июльские фьючерсы на нефть марки Brent на лондонской бирже ICE Futures превысили \$80 за баррель, котировки фьючерсов на нефть WTI на июнь на Нью-Йоркской товарной бирже (NYMEX) к этому времени превысили уровень \$72 за баррель. С начала года котировки повысились более чем на 20%. И несмотря на осторожность прогнозов правительства и компаний, которые закладывают в бюджеты консервативные сценарии роста цены на нефть на уровне \$40–50 за баррель, становится очевидно, что в перспективе резкого падения уже не ожидается, а возможно, сохранится динамика повышения стоимости сырья. Ее будут поддерживать сложная политическая ситуация в ряде добывающих стран и сокращение там производства.

Фактические запасы нефти в России варьируются, по разным оценкам, от 8 до 14 лет в силу того, что остаточные запасы выработаны и не обеспечивают необходимые тем-

пы отбора, а также тем, что в структуре запасов резко увеличивается доля труднодобываемых нефтей.

Наиболее крупные месторождения находятся в завершающей стадии разработки и характеризуются высокой обводненностью. Так, в Уральском федеральном округе крупные месторождения нефти (более 60 млн тонн) выработаны более чем на 50%, средние — от 30 млн до 60 млн тонн — более чем на 55%. Еще больше выработаны средние и крупные нефтяные месторождения Приволжского федерального округа (более чем на 80%). Так что в целом текущие запасы нефти могут составить базис добычи в ближайшие десять лет, но при отсутствии воспроизводства новых запасов, вероятно, уже к 2025 году они не смогут обеспечить добычу нефти в России выше 400–420 млн тонн, что намного ниже запланированных темпов отбора. За пределами 2025 года, и особенно к 2035 году, текущие запасы нефти не обеспечат уже почти 40% планируемого отбора.

На фоне таких перспектив в РФ в геологоразведку на углеводороды необходимо ежегодно вкладывать порядка 200–300 млрд руб. «Но это не значит, что эти деньги надо изымать из бюджета. Это необходимо делать государственно-частным партнерством, например на базе ГЕОТЕКа», — считает

президент компании Владимир Толкачев. В частности, компания может найти структуры (объекты) для совместной работы с последующим вхождением в проект инвестора. «Правительство выдает лицензии на нефтегазовые месторождения, крупные нефтегазовые акционерные общества РФ получают максимальную геологическую отдачу от открытия и, как следствие, коммерческую разработку, увеличение баланса запасов. Во всем мире существует так называемая спекулятивная сьемка. Геология — это та отрасль, где можно как по-настоящему очень крупно выиграть, так и потерять», — отмечает господин Толкачев.

Рынок нефтегазоразведки, стимулируемый высокой ценой на нефть, по мнению Владимира Толкачева, сейчас начал движение вверх. И это движение будет продолжаться пять лет. «Основная причина — именно в отсутствии реально работающего механизма восполнения минерально-сырьевой базы. Она не восполняется в том объеме, в котором нужно как государству, так и компаниям», — говорит он. Это во многом связано с тем, что почти все легкодоступные месторождения нефти истощены и добывающим компаниям приходится выходить в неосвоенные регионы, искать глубже и дальше в тех районах, где нет инфраструктуры. Необходимо не забывать о потенциалах газогидратных ресурсов. Газогидраты — это источник колоссальной энергии.

В заключение хотелось бы добавить, что ГЕОТЕК исключительно коммерческая компания, где нет ни рубля бюджетных средств. Все наши заказы получены на тендерах крупнейших нефтегазовых акционерных обществ РФ.

ГЕОТЕК является крупнейшей в мире сейсморазведочной компанией по поиску углеводородов. Возможно, крупнее только BGP (Китай), но у них нет таких сложных проектов, разбросанных по северным и труднодоступным районам.

Времена проблем и предбанкротных состояний остались далеко позади — в 2017 году. В новый цикл разведки углеводородных месторождений компания входит на полном ходу, обладая надежным финансовым состоянием и обширным фронтом работ. Сезон 2017–2018 годов завершен, в планах — полевые сезоны 2018–2019 и 2019–2020 годов. Компания, как говорится, встала под ружье, мобилизована для выполнения программы поставленных перед ней задач и надеется на расширение возможностей ее применения с пользой как для нефтегазовых компаний, так и для экономики РФ в целом.

петербургский международный экономический форум

Оппонентов природы видят в экономике замкнутого цикла

— экология —

«Мусорная» реформа, экономика замкнутого цикла и переход предприятий на НДТ стали основой довольно скромной экологической повестки ПМЭФ-2018. Неожиданно на первый план дискуссий вышла критика экологических протестов, мешающих реализации крупных инвестиционных проектов в различных регионах России. Сами экологи считают, что представители ведомств и ряда компаний не желают слышать голос населения, предпочитают решать природоохранные конфликты точно и краткосрочно, — это вряд ли можно назвать устойчивой стратегией на пути к «зеленому» развитию.

«Зеленая» повестка форума нынешнего года оказалась заметно беднее прошлых лет. Красной нитью практически через все дискуссии, так или иначе относящиеся к природоохранной тематике, проходила политика в области управления отходами и внедрения наилучших доступных технологий (НДТ). По вопросу «озеленения» промышленности на форуме звучали скорее оптимистичные оценки. Так, специальный представитель президента по вопросам экологии Сергей Иванов, озвучив график перехода компаний на новую систему экологического нормирования на основе НДТ (который по планам должен продолжаться еще до 2025 года), заявил, что большинство крупнейших российских предприятий уже реализовали эти планы.

Зато в области обращения с отходами представители и ведомств, и бизнеса говорили скорее о сложностях реализации новой политики. Заместитель министра промышленности и торговли Виктор Евтухов рассказал о планах развития переработки отходов и использования вторичных ресурсов (не менее 85% к 2030 году), одновременно посетовав на то, что большинство утвержденных территориальных схем обращения с отходами не ставят снижение объема отходов и их переработку в качестве приоритетов. «Они предпочитают действовать по старому принципу: домохозяйство-контейнер-полигон, в том числе из-за отсутствия механизмов стимулирования,

что, в свою очередь, вызвано низким нормативом и низкой платой за утилизацию отходов, — в результате объемы собранного экологического сбора остаются ничтожно малыми», — заявил чиновник, предложивший повысить либо плату для предприятий, либо тарифы для домохозяйств.

Генеральный директор Ассоциации европейского бизнеса Франк Шауфль, рассказавший о планах сотрудничества европейских и российских компаний в области переработки автомобильных шин и отходов сельского хозяйства, в качестве основного препятствия для инвестиций в отрасль переработки отметил ее излишнюю «зарегулированность», а также недостаток льгот и стимулов. Вторая проблема сектора, по мнению эксперта, отсутствие целевого расходования средств в секторе переработки, так, утилизационные сборы с автомобилей не используются непосредственно на цели переработки и создание новых мощностей. С ним согласился и генеральный директор Coca-Cola HBC Россия Стефанос Вафеидис, предположивший, что развитию сектора не хватает финансовой целесообразности и масштаба, благодаря которому переработка из статьи затрат сможет стать статьей доходов.

На этом фоне представители и Минпромторга и прочих ведомств продолжали говорить о безопасности мусоросжигательных заводов, аналоги которых работают в центре городов Австрии, Швеции и Японии — против которых в РФ выступают (по словам панелистов) «псевдоэкологические» организации. В целом тема «диверсионных» экологов на удивление занимала довольно существенную роль в «зеленой» повестке форума. В частности, на сессии «Как упорядочить экологическую деятельность на благо экономики» и Сергей Иванов, и министр промышленности и торговли Денис Мантуров, и зампред Думы Ирина Яровая рассказывали о вредной деятельности экологов, которые запугивают людей, чтобы «диктовать свои условия», для решения финансовых или политических задач. Денис Мантуров пожаловался на «заявленных» активистов, выступающих против планов Русской медной компании построить Томинский ГОК в Челябинской области, а также на влияние турецких мусуль-

манских лидеров на экологических активистов в Башкирии, выступающих против отдачи горы Торатау в разработку Башкирской содовой компании. Также присутствовавший на сессии директор института Каспийского сотрудничества Сергей Михеев (автор доклада «Жокашита или эконатадение: политические экологи в России и в мире», представленного на днях в Москве, — см. «Б» от 21 мая) сообщил, что деятельность экологических активистов в РФ с 2009 года «заблокировала» инвестиции более чем на 1 трлн руб., остановила 47 крупных промышленных проектов и препятствовала созданию около 60 тыс. рабочих мест — в результате ущерб от экопротестов можно сопоставить с негативным эффектом от санкций. В качестве решения проблемы Ирина Яровая предложила обязательное лицензирование экологической экспертизы, а Сергей Иванов — профессиональное образование для «не вызывающих подозрения» экологических экспертов.

«Ключевая угроза для экономического развития и новых инвестиционных планов — не коварные намерения экологов, а „незащищенность прав“, в том числе на компенсацию снижения стоимости собственности населения и мелкого и среднего бизнеса при реализации новых проектов», — комментирует директор по природоохранной политике WWF-России Евгений Шварц. По мнению эколога, в целом уровень дискуссий форума (который, кстати, проходил под девизом «Создавая экономику доверия») показывает, что «представители ряда ведомств, и менеджмент компаний с большим уровнем воздействия на состояние окружающей среды не желают говорить с населением и слышать его в местах размещения потенциально «грязных» производств, предпочитая все решения принимать «сверху».

«Фактически это попытка вернуться к началу 2000-х, когда ошибочно попытались обеспечить ускорение экономического роста и привлечения инвестиций с помощью „экологического демпинга“, однако ситуацию нельзя „отмотать“ назад: люди уже начали ценить свое здоровье и благосостояние, и они готовы начинать отстаивать свои интересы», — размышляет эксперт.

Ангелина Давыдова

Реформа травмы

— рынок труда —

Минтруд обещает пересмотреть страхование от профзаболеваний. Как заявил на ПМЭФ глава Минтруда Максим Топилин, в ближайшие шесть лет в России может появиться новая модель страхования от профессиональных заболеваний. Результаты нынешней работы системы претодражения травматизма он назвал неудовлетворительными.

Новая модель страхования от профессиональных заболеваний может заработать в России в течение шести лет. Об этом заявил глава Минтруда Максим Топилин в пятницу на сессии «Увеличить продолжительность жизни к 2030 году. Как решить задачу?» в рамках ПМЭФ. «Нам необходимо перестроить всю систему выявления профзаболеваний. Сегодня работодатели фактически все ответственность за финансирование процедур лечения и различных выплат переложили на государство. Это не быстро, по крайней мере в течение шести лет механизм может и заработать, и дать определенные настройки», — заявил он.

Страхование от профессиональных заболеваний было введено 18 лет назад, но оно так и не заработало, отметил господин Топилин. По его словам, в прошлом году от несчастных случаев на производстве погибли более 1,5 тыс. человек, около 7–8 тыс. получили профессиональные заболевания. «Заболевания либо не выявляются, либо, если выявляются, то не расследуются нормально страховыми компаниями, не устанавливаются причинно-следственные связи и не связываются с влиянием вредных производственных факторов, и если выявляются заболевания, то выявляются на самых поздних стадиях», — считает господин Топилин. В марте этого года на итоговой коллегии Минтруда глава ведомства уже объявлял дальнейшее снижение смертности россиян в трудоспособном возрасте за счет сокращения числа погибших на производстве одной из своих главных задач на 2018 год. Однако ранее Минтруд, как и Роструд, оценивали динамику сокращения смертности от травм на производстве позитивно: она падала на несколько процентов каждый год. Так, например, как заявлял в конце 2017 года глава Роструда Всеволод Вуколов, число несчастных случаев на производстве за прошлый год снизилось в России на 14%, в 2017 году за 11 месяцев произошло 4,6 тыс. несчастных случаев с тяжелыми последствиями, а 11 месяцев 2016 года — 5,3 тыс. Глава Роструда тогда рассказал, что наибольший уровень производственного травматизма со смертельным исходом в 2017 году зафиксирован в строительной сфере — это 20%, на обрабатывающем производстве 16% от общего числа погибших.

Такая динамика, по-видимому, является следствием реформы охраны таких рабочих мест, которой Минтруд занимался последние несколько лет. Так, до 2018 года все российские работодатели были обязаны организовать аттестацию рабочих мест на своих предприятиях. По итогам аттестации рабочим местам должен был быть присвоен один из четырех классов условий труда — в том случае если он будет назван «вредным» или «опасным», работодатель должен был начать уплачивать дополнительные страховые взносы в Пенсионный фонд для формирования досрочной пенсии такого работника. Только за 2016 год, по данным ведомства, более 146 тыс. организаций провели специальную оценку условий труда в отношении рабочих мест около 5,445 млн работников. В территориальных органах Роструда было зарегистрировано почти 57 тыс. деклараций соответствия условий труда требованиям охраны труда, касающихся более 1,5 млн работников.

При этом Минтруд уже выступал с инициативой снова реформировать трудовое законодательство, чтобы усилить роль профилактики для предотвращения несчастных случаев на производстве и сблизить нормы трудового и надзорного законодательства. Для этого ведомство в 2016 году подготовило новую редакцию Трудового кодекса. Тогда в ведомстве заявили, что планируют внести его в правительство РФ в августе текущего года.

О низкой эффективности системы охраны труда и необходимости ее реформы ранее говорили и эксперты. Так, по мнению аналитиков РАНХиГС, хотя за последние несколько лет эффективность работы Роструда увеличилась, службе необходимо тщательнее следовать в своей работе мировым трендам. Необходимо и усиление мотивации работодателей к улучшению условий труда — по их оценке, система страхования сейчас недостаточно эффективна. Выплаты из Фонда социального страхования (ФСС) проводятся уже по факту либо несчастного случая на производстве, либо инвалидности работника — а заболевание, зафиксированное на рабочем месте, может не связываться с последующей инвалидностью, что в итоге переносит финансовую нагрузку с работодателя на бюджет.

Также беспокойство экспертов вызывает несогласованность законодательства, в частности, об охране труда и санитарного: здесь пересекаются требования и полномочия Роструда, Ростехнадзора, Роспотребнадзора и Ространснадзора. Кроме того, с 2017 года в действие вступила норма, по которой надзорные органы потеряли право проверять выполнение советских норм охраны труда, в то время как сами нормы остались в силе.

Анастасия Мануйлова